

УДК 821.161.1

В.В. Межебовская

Концептосфера сборника С. Есенина «Радуница»

Статья посвящена анализу некоторых структурных, образных и поэтических особенностей первого сборника С. Есенина «Радуница». Была сделана попытка проследить эволюцию поэтической мысли автора в плане реализации в нем мечты о некоем идеальном мире, который, несомненно, связан с православным идеалом Святой Руси, христианским идеалом незримого Божьего града, небесного Иерусалима. Основное внимание уделено анализу стихотворения «Чую радуницу божую...»

Автор статьи приходит к выводу, что в прижизненных редакциях первого сборника «Радуница», который переиздавался, перестраивался и редактировался самим С. Есениным, путем изменения последовательности стихов создавался особенный контекст, трансформировалась концептосфера всего сборника. Это помогало поэту точнее, ярче и острее выразить свои мысли, чувства и переживания о любимой России. А сформулированные в первых изданиях «Радуницы» образные и тематические константы определили художественные доминанты поэзии С.А. Есенина в целом.

Ключевые слова: С. Есенин, «Радуница», христианский идеал, православие, концептосфера.

«Я просто убежден, что есенинская поэзия для русского человека значит не меньше, чем Библия для верующего. Это поэтическая Библия русской души», – именно так Юрий Прокушев определил поэтику раннего творчество С. Есенина [8, с. 4].

Первый сборник стихов «Радуница» вышел в Петрограде в самом начале 1916 года. За всю свою жизнь С. Есенин выпустит еще 22 сборника (включая последующие издания). Следует отметить тот факт, что каждый его сборник – это не просто собранное за определенный период количество стихов, это удивительно тонко и глубоко прочувствованная книга, где порядок стихов зависит от многих факторов:

от душевного настроения поэта, от событий, происходивших в любимой им стране, от возраста поэта, в конце концов. Каждый сборник превращался в одно цельное произведение, состоящее из множества концептов, которые связаны особой эмоциональной нитью, проходящей через каждое произведение.

При жизни поэта «Радунца» оценивалась как явление яркое и талантливое. Сборник был с одобрением встречен современными поэту критиками (Н. Венгеров, З. Бухарова, П. Сакулин, С.Я. Парнок и др.), получил высокое признание А. Блока, З. Гиппиус, Н. Клюева, С. Городецкого. Они приветствовали мастерство начинающего поэта в изображении деревенского быта, красоты природы, «жизненных» чувств крестьянина, в создании некоего идеального мира, который в представлении поэта связан с православным идеалом Святой Руси, с христианским идеалом незримого Божьего града. Привлекал внимание и лирический герой сборника – пастушок, странник, называющий себя «ласковым послушником», «отроком светлым», сравнивающий себя с «захожим богомольцем», являющийся неотъемлемой частью этого мира. Современники увидели в этом сборнике струю свежего воздуха, а природный самобытный талант начинающего автора был оценен по достоинству. Первые художественные опыты С. Есенина сразу же были включены современной ему разноголосой критикой в напряженный литературный процесс эпохи.

Название сборника раскрывает его содержание, предваряет направленность и тематику его стихов. В словаре церковных терминов Д.Л. Покровского «Радоница — день особого всецерковного поминовения умерших, которое совершается во вторник второй недели после Пасхи» [9, с. 126]. Название праздника подводит христиан к пониманию того, что не нужно печалиться о смерти близких (тем более в Светлую седмицу), наоборот, следует радоваться их рождению в жизни вечной, ведь у Бога все живы: «Бог не есть Бог мертвых, но живых, ибо у Него все живы» (Лк. 20, 38).

В.И. Харчевников, раскрывая смысл названия сборника, отмечает, что «это мотив соединения предков и потомков, человека и природы, крестьянина и его земли, вчерашнего, сегодняшнего и будущего времени в нескончаемом круговороте жизни» [12, с. 253]. В.Г. Базанов считает, что в первом сборнике С. Есенина замысловато соединились «многозначные фольклорно-этнографические образы», содержится «сложный рисунок народных верований (язычество в христианстве, их синтез)» [1, с. 96].

Следует заметить, что название праздника в интерпретации С. Есенина изменяется: праздник называют «Радоница», а у поэта «Радуница». Возможно, название связано с древним празднованием этого дня, когда народ веселился, отдыхал от забот. Поэтому у Есенина этимология слова ассоциируется с глаголом «радуюсь». Исследователь А. Терещенко пишет: «Радуница происходит от слова радоваться. <...> Народ, поминая в это время родителей, думает, что они радуются с ними» [11, с. 27]. Таким образом, слово «радуница» в названии есенинской книги несет значительную семантическую нагрузку: это соединение христианского и дохристианского начала, причем соединение глубинное, основанное на общности в осмыслении праздника. Радуница – это провозглашение возможности и реальности воскресения, вера в победу жизни над смертью, в преображение мира и человека. «Есенин был не только человеком с ярко выраженной религиозностью в душе. Он был поэтом, в творчестве которого отразилось неповторимое православное мироощущение, для которого характерно светлое жизнепрятие» [10, с. 85].

Таким образом, во внутренней форме названия книги «Радуница» лежит многомерный символ, так называемый «ангелический образ», рожденный авторским гением из семантики лексемы радуница. Это и светлая память о предках, их традициях, нравственности бытия; и пророчество о вечных началах России, ее прошлом и будущем; и представление народа, выразителем чаяний

которого был сам поэт. Структура сборника «Радуница» менялась на протяжении нескольких лет и на протяжении нескольких изданий. И изменения эти были связаны с теми процессами, которые происходили в стране, в сознании самого поэта. Меняется поэт – меняется концептосфера его сборника.

Сборник «Радуница» при жизни поэта издавался четыре раза, но существенные преобразования производились только в трех книгах. И каждый раз структура, количество стихотворений и их порядок менялись. К примеру, первое издание «Радуницы» включило в себя 33 стихотворения. Сборник был разделен на две части, каждая из которых имела свой заголовок. Часть первая – «Русь», часть вторая – «Маковые побаски». С.Есенин активно использует в своей поэзии символические образы, поэтому количество стихов (33) не является случайным. В православной традиции тройка символизирует Святую Троицу, это «небесное» число. К слову, наиболее часто встречающееся число в Евангелиях именно «три». Три отречения Петра от Иисуса, три волхва, воскресение Иисуса Христа произошло тоже через три дня, три богословских добродетели: Вера, Надежда, Любовь. Автор сознательно удваивает тройку, подчеркивая тем самым необычность, благословенность первого сборника своих стихов.

Второе и третье издания были выпущены буквально друг за другом в 1918 – 1919 годах, разница между ними заключалась только в том, что третье издание было несколько доработано. Тираж второго издания даже не был установлен, встречается оно крайне редко, в нем было достаточное количество опечаток и ошибок, плохое качество бумаги и невзрачная обложка серого цвета. Примечательно то, что сам С. Есенин в библиографических данных дает интересную формулировку года издания: 2-й год I века [1918]. Это, вероятно, означает, что после революции начинается новый век, новая эра, другая жизнь. В этих изданиях теперь три части, каждая из которых имеет свое название. Первая часть – «Радуница», вторая – «Песни о Миколле», третья – «Русь». Количество стихов тоже изменилось, теперь их двадцать семь.

Четвертое издание было выпущено в 1921 году, уже в другом издательстве, – «Имажинисты». Теперь в ней всего одна часть – «Радуница». Автор оставил двадцать стихов из тридцати трех изначальных, меняется и их порядок. Это связано, вероятно, с изменением мировосприятия поэта: в августе 1918 года С. Есенин знакомится с А. Мариенгофом, они мечтают о создании новой поэтической школы. А. Мариенгоф вспоминал, что все разговоры были вокруг стихотворного образа, вокруг имажинизма. Должно быть, именно это и послужило основным требованием для отбора стихов в новой редакции.

Первое издание «Радуницы» открывается поэмой «Микола»:

*В шапке облачного скола,
В лапоточках, словно тень,
Ходит милостник Микола
Мимо сел и деревень.*

Автобиография Есенина (в записи И.Н.Розанова от 26 февраля 1921 г.) содержит краткие сведения о генезисе поэмы: «...в детстве я рос, дыша атмосферой народной поэзии. Бабка, которая меня очень баловала, была очень набожна, собирала нищих и калек, которые распевали духовные стихи. Очень рано узнал я стих о Миколе. Потом я и сам захотел по-своему изобразить Миколу» [3, с. 61].

В этой поэме, да и во всей ранней лирике С.Есенина, с деревенским бытом «органически срослась легенда про угодников божьих и других членов божественной иерархии до кроткого Спаса включительно. Здесь и путешествие господ-бога в одеянии нищего, <...>; здесь в лапотках и «милостник» Микола, с котомкой за плечами и с посохом в руке, бродит по земле для защиты скорбью «вытерзанного» люда <...>. Святители как бы входят в житейский обиход деревни поэта, сроднились, слились с ней...» [4, с. 50]. Лирический герой поэмы – поэт и созерцатель, искренне влюбленный в красоту окружающего мира. Сам поэт «входит» в русскую литературу именно так. Не зря С. Есенина называли «светловолосым отроком», «Лелем», «пастушком». Поэт восклицает:

*Я – слуга давнишний Богов,
В Божий терем правлю путь...*

Необходимо отметить, что порядок следования стихов первого сборника определял только сам С. Есенин. В зависимости от того, какое стихотворение следовало за предыдущим, складывалось общее впечатление о сборнике в целом. Следовательно, концептосфера видоизменялась. Это можно увидеть на примере второго, третьего и четвертого изданий сборника «Радуница», которое открывает поэма «Марфа Посадница». Все эти издания вышли после революции, в то время, когда поэт уже начал сомневаться в ней, не надеялся на изменения к лучшему.

*И писал Господь своей верной рабе:
«Не гони метлой тучу вихристу;
Как московский царь на кровавой гульбе
Продал душу свою антихристу...»*

После поэмы «Марфа Посадница» во всех последующих изданиях следует стихотворение «Шел Господь пытаться людей в любви...».

*Подошел Господь, скрывая скорбь и муку:
Видно, мол, сердца их не разбудишь...*

Это прекрасное стихотворение о доброте, о милосердии, о необходимости выполнять заповеди Бога, об обретении того, чего, порой, и не ожидаешь обрести в суетном мире:

*И сказал старик, протягивая руку:
«На, пожуй... маленько крепче будешь».*

Следующим неизменно шло стихотворение «Тихо в чаще можжевеля по обрыву...», которое, вероятно, имеет историческую основу: тела расстрелянной царской семьи были выброшены с обрыва. Осенний пейзаж является неким фоном для изображения духовной близости человека и Божьего мира:

*Тихо в чаще можжевеля по обрыву.
Осень, рыжая кобыла, чешет гривы.
Над речным покровом берегов
Слышен синий лязг ее подков.
Схимник-ветер шагом осторожным*

*Мнет листву по выступам дорожным
И целует на рябиновом кусту
Язвы красные незримому Христу.*

Именно в целовании язв «незримому Христу» поэт видит спасение. Ведь Господь всегда рядом с людьми, и они постоянно должны помнить о его жертве. Эта мысль прослеживается и в следующем стихотворении сборника «Не ветры осыпают пущи...»:

*Я вижу — в просиничном плате,
На легкокрылых облаках,
Идет возлюбленная Мати
С Пречистым Сыном на руках.
Она несет для мира снова
Распятъ воскресшего Христа:
«Ходи, мой сын, живи без крова,
Зорюй и полднью у куста».*

Кроме того, С. Есенину удалось создать образ «русской Богородицы», заступницы всех страждущих перед грядущими страшными событиями.

Во втором и третьем издании (1918–1919 годы), поэт завершает первую часть сборника «Радуница» стихотворением «Чую радуницу божью...».

*Приведем его полностью.
Чую радуницу божью —
Не напрасно я живу,
Поклоняюсь придорожью,
Припадаю на траву.*

*Между сосен, между елок,
Меж берез кудрявых бус,
Под венком, в кольце иголок,
Мне мерещится Иисус.
Он зовет меня в дубровы,
Как во царствие небес,*

*И горит в парче лиловой
Облаками крытый лес.*

*Голубиный пух от бога,
Словно огненный язык,
Завладел моей дорогой,
Заглушил мой слабый крик.*

*Льется пламя в бездну зренья,
В сердце радость детских снов,
Я поверил от рожденья
В богородицын покров.*

Слово «чую», с которого начинается стихотворение, говорит о многом. В толковом словаре С.И. Ожегова это слово имеет несколько значений, главное из которых является «угадывать, постигать, внутренне ощущать что-либо» [7, с. 890]. Из-за способности предчувствовать, «чують радуницу божью», из-за надежды, живущей в сердце, в человеке еще жива Вера. С.Есенин не случайно использует в первой строфе глаголы чую – живу – поклоняюсь – припадаю. Лирический герой поклоняется не человеку, и даже не иконе, а Матушке – Природе: «придорожью», траве. Природа является олицетворением Христа. Смысловое значение понятия Радуница связано со словом Рада, означающим Совет, подразумевая тем самым Собрание не только живых, но и поминаемых. Лирический герой стихотворения выказывает свое уважение мертвым, тем, кто поминается: «Поклоняюсь придорожью, // Припадаю на траву».

*Во второй строфе перед читателем появляется Иисус.
Между сосен, между елок,
Меж берез кудрявых бус,
Под венком, в кольце иголок,
Мне мерещится Иисус.*

Именно в этом образе особенно ярко прослеживается сочетание казалось бы, несочетаемого: христианского и дохристианского начал.

Исус здесь больше похож на языческого персонажа, Лешего, чем на Спасителя, образ которого видится нам несколько иным. В сказках и преданиях различных славянских народов Леший не имел конкретных возрастных, визуальных особенностей. Он заманивает путника в лес, уводит в чащу, радуется, если заблудится кто-то из людей. В русской мифологии он изображается дряхлым стариком с бородой, с длинными серо-зелеными волосами, на лице нет ни ресниц, ни бровей, а глаза как два изумруда — горят зеленым огнем. Есть и другое описание лешего: с клиновидной бородой, с волосами зачесанными налево. В русском мифологическом словаре В. Шуклина дается подробное разъяснение, что это за существо: «Леший, хозяин зверей и леса в целом <...> способен принимать облик обычного человека. Он может появиться перед человеком и, заговорив, незаметно увести того в лес и там запутать». [13, с. 193]. Здесь же прослеживается и другая аналогия: Леший- защитник леса, а Исус- всего живого на Земле, и в первую очередь людей. Лирическому герою «мерещится Исус» «между сосен, между елок».

Слово «мерещится» здесь употреблено неслучайно. Из-за неясности, потери реального времени и места, лирический герой не уверен, что видит его. Быть может, это иллюзия. Но тем не менее, Исус «зовет меня в дубровы, как во царствие небес», и герой повинуется этому зову, как замороженный. «Языческий» Исус заманивает еще дальше в незнакомый, страшный лес, словно там не глушь, а рай:

*Он зовет меня в дубровы,
Как во царствие небес,
И горит в парче лиловой
Облаками крытый лес.*

Если верить преданиям, то считается большим благом, если на Радуницу идет дождь. Влага обладает целительной силой, здесь же влага есть только в облаках. Но они не являются источником воды, жизни, они сдавливают, «зажимают в тиски» то, что находится между небом и землей. Они не несут в себе жизнь:

*Голубиный пух от бога,
Словно огненный язык,
Завладел моей дорогой,
Заглушил мой слабый крик.*

Голубиный пух, который заполняет все окружающее пространство, устрашает еще больше. Ведь чтобы увидеть пух, нужно распотрошить птицу, так как он находится под плотным слоем перьев. От всей этой картины становится настолько жутко, что крик, вырвавшийся наружу, «заглушен». Казалось бы, конец: пламя, «слабый крик», ужас, но стихотворение заканчивается иначе.

*Льется пламя в бездну зренья,
В сердце радость детских снов,
Я поверил от рожденья
В богородицын покров.*

Итак, пройдя через весь ужас, который должен был бы сломить, испугать, «обезверить», лирический герой стихотворения «Чую радуницу божью...» жив. В нем жива Вера в лучшее будущее, в то, что жизнь одержит победу над смертью. И спасет его от всех страхов, страданий и, наконец, смерти, лишь «богородицын покров».

В четвертом же издании после этого стихотворения следует еще одиннадцать стихов. А завершается книга «Радуница» 1921 года небольшой поэмой «Русь». Настроение поэта меняется, в нем отражено отношение к началу Первой мировой войны. С. Есенин верит в Россию, в свою «родину кроткую», в ее спокойную, светлую и вольную жизнь в гармонии с природой:

*Помирился я с мыслями слабыми,
Хоть бы стать мне кустом у воды.
Я хочу верить в лучшее с бабами,
Тепля свечку вечерней звезды.*

Не случайно Н.Клюев назвал образы, созданные в поэме, «прекрасной белой Русью».

Используя прием параллелизма, С. Есенин показывает, как «раскалывается природа», когда на родину приходит беда. С точки зрения поэта, именно война способна объединить людей, сделать личное горе или радость – общим. Соборность, стремление все преодолеть совместными усилиями, безграничная Любовь и Вера в Бога, – вот что, по мысли С.Есенина, может спасти Русь.

Таким образом, мы проследили, как отражается мироощущение С. Есенина в стихах первого поэтического сборника «Радуница». Концептосфера сборника меняется от стихотворения к стихотворению, благодаря чему остается ощущение, что есенинское «чувствование» этого мира не было заимствованно или вычитано им из книг, ведь органичность образного мышления поэта видна каждому читателю. В стихах С.Есенина воплощена мечта о некоем идеальном мире, которая, несомненно, связана с христианским идеалом незримого Божьего града, небесного Иерусалима, с православным идеалом Святой Руси. Образ «иной земли» в стихах С. Есенина рисуется как желанный удел, как «страна нездешняя», куда стремится лирический герой. А сформулированные в первых изданиях «Радуницы» образные и тематические константы определили художественные доминанты поэзии С.А. Есенина в целом.

Литература:

1. Базанов, В. Г. *Сергей Есенин и крестьянская Россия.* – Л., 1982. – С. 96. – Текст : непосредственный.
2. Есенин, С. А. *Собрание сочинений: в 3 т.* – М. : Правда, 1970. – Т. 1. – С. 3–31, 47, 51, 69. – Текст : непосредственный.
3. Есенин С. А. *в воспоминаниях современников.* – М., 1986. – Т. 2. – С. 61. – Текст : непосредственный.
4. Машкин, А. П. *«Литература и язык в современной школе».* – Харьков, 1923. – С. 50. – Текст : непосредственный.

5. Никифоровский, М. Русское язычество: опыт популярного изложения научных сведений о религии русских славян. – СПб., 1975. – С. 81. – Текст : непосредственный.

6. Ничипоров, И. Б. Сюжет пришествия Бога в мир в поэзии С.А.Есенина. – Текст : непосредственный // Сергей Есенин и русская история : сб. тр. по мат-лам Междунар. науч. конф., посвященной 117-летию со дня рождения С.А.Есенина и Году российской истории. – Москва ; Константиново ; Рязань, 2013. – 520 с.

7. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / С. И. Ожегов. – М. : Азбуковник, 1997. – С. 987. – Текст : непосредственный.

8. Прокушев, Ю. Л. Библия русской души / Ю. Л. Прокушев. – Текст : непосредственный // Правда. – 1995. – 4 октября. – С. 4.

9. Словарь церковных терминов. – Sharon, Massachusetts : «Izograph Studio», 2002. – 166 с. – Текст : непосредственный.

10. Сохряков, Ю. И. О религиозных мотивах в лирике Есенина. – Текст : непосредственный // Столетие Сергея Есенина : междунар. симпозиум. Есенинский сборник. Вып. III. – М., 1997. – С. 85.

11. Терещенко, А. В. Быт русского народа. Ч. 5. – СПб., 1948. – С. 27. – Текст : непосредственный.

12. Харчевников, В. И. Поэтический стиль Сергея Есенина 1910–1916 гг. : пособие по спецкурсу. – Ставрополь, 1975. – С. 248–296. – Текст : непосредственный.

13. Шуклин, В. В. Русский мифологический словарь / В. В. Шуклин. – Екатеринбург : Изд-во Уральское, 2001. – С. 192–193. – Текст : непосредственный.

V.V. Mezhebovskaia

**The conceptual sphere of S. Esenin's Collection
«Tuesday after Quasimodo»**

The article is devoted to the analysis of some of the structural, figurative and poetic features of the first S. Esenin's collection «Tuesday after

Quasimodo». An attempt was made to trace the evolution of the author's poetic thought in terms of realizing in it the dream of some ideal world, which is undoubtedly associated with the Orthodox ideal of Holy Russia, the Christian ideal of God's invisible city, heavenly Jerusalem. The main attention is paid to the analysis of the poem «I feel God's Tuesday after Quasimodo» The author of the article comes to the conclusion that in the lifetime editions of the first collection «Tuesday after Quasimodo», which was republished, rebuilt and edited by S. Yesenin himself, by changing the sequence of verses, a special context was created, the conceptual sphere of the entire collection was transformed. This helped the poet to more accurately, brighter and more sharply express his thoughts, feelings and experiences about his beloved Russia. And the figurative and thematic constants formulated in the first editions of "Tuesday after Quasimodo" determined the artistic dominants of S. Yesenin as a whole.

Key words: S. Yesenin, «Tuesday after Quasimodo», Christian ideal, Orthodoxy, conceptual sphere.

References:

1. Bazanov, V. G. *Sergei Esenin i krest'ianskaia Rossiia [Sergei Yesenin and peasant Russia]*. Leningrad, 1982. – P. 96.

2. Esenin, S. A. *Sobranie sochinenii: v 3 t. [Collected works: in 3 volumes]*. Moscow, 1970. – Vol. 1, pp. 3–31, 47, 51, 69.

3. Esenin S. A. *V vospominaniakh sovremennikov [In the memoirs of contemporaries]*. Moscow, 1986. Vol. 2. – P. 61.

4. Mashkin, A. P. «Literatura i iazyk v sovremennoi shkole» [*Literature and language in the modern school*]. Khar'kov, 1923. – P. 50.

5. Nikiforovskii, M. *Russkoe iazychestvo: opyt populiarnogo izlozheniia nauchnykh svedenii o religii russkikh slavian [Russian paganism: the experience of the popular presentation of scientific information about the religion of the Russian Slavs]*. SPb., 1975. – P. 81.

6. Nichiporov, I. B. *Siuzhet prishestviia Boga v mir v poezii S.A. Esenina [The plot of the coming of God into the world in the poetry of*

S.A. Yesenin] // *Sergei Esenin i russkaia istoriia : sb. tr. po mat-lam Mezhdunar. nauch. konf., posviashchennoi 117-letiiu so dnia rozhdeniia S. A. Esenina i Godu rossiiskoi istorii*. Moscow; Konstantinovo; Riazan', 2013. – 520 p.

7. Ozhegov, S. I. *Tolkovyi slovar' russkogo iazyka: 80 000 slov i frazeologicheskikh vyrazhenii* [Explanatory dictionary of the Russian language: 80,000 words and phraseological expressions]. Moscow, 1997. – P. 987.

8. Prokushev, Iu. L. *Bibliia russkoi dushi* [The Bible of the Russian soul] // *Pravda*. – 1995. – 4 Oct. – P. 4.

9. *Slovar' tserkovnykh terminov* [Dictionary of church terms]. Sharon, Massachusetts, 2002. – 166 p.

10. Sokhriakov, Iu. I. *O religioznykh motivakh v lirike Esenina* [On religious motives in Yesenin's lyrics] // *Stoletie Sergeia Esenina : mezhdunar. simpozium. Eseninskii sbornik. Vyp. III* [Centenary of Sergei Yesenin: International Symposium. Yesenin collection. Issue III]. Moscow, 1997. – P. 85.

11. Tereshchenko, A. V. *Byt russkogo naroda* [Life of the Russian people]. Part 5. SPb., 1948. – P. 27.

12. Kharchevnikov, V. I. *Poeticheskii stil' Sergeia Esenina 1910–1916 gg. : posobie po spetskursu* [Poetic style of Sergei Yesenin 1910–1916: a guide for a special course]. Stavropol', 1975, pp. 248–296.

13. Shuklin, V. V. *Russkii mifologicheskii slovar'* [Russian mythological dictionary]. Ekaterinburg, 2001, pp. 192–193.